

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

БРАТСКАЯ
МОГИЛА

Зинаида Николаевна Гиппиус

Братская могила

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25910403

Аннотация

«Мне всегда казались неинтересными рецензии в виде отчетов: такое-то содержание, написано плохо или хорошо, издано так-то. Я и писать эти отчетные рецензии не умею, и читать не люблю: лучше я самую книгу прочту, чем узнаю содержание в пересказе. Могут быть интересны только общие мысли, возникающие у критика «по поводу» книги, о которой он говорит...»

Содержание

I	5
II	9
Послесловие редакции	17

Зинаида Гиппиус

Братская могила

Леонид Андреев. Рассказы. Л. Зиновьева-Аннибал. Трагический Зверинец, Тридцать три уroda, Сборник «Знания XVI», «Ссылным и заключенным» (изд. «Шиповника») и многие, многие другие.

I

Мне всегда казались неинтересными рецензии в виде отчетов: такое-то содержание, написано плохо или хорошо, издано так-то. Я и писать эти отчетные рецензии не умею, и читать не люблю: лучше я самую книгу прочту, чем узнаю содержание в пересказе. Могут быть интересны только общие мысли, возникающие у критика «по поводу» книги, о которой он говорит.

Руководствуясь этим принципом, я и писал до сих пор мои рецензии. Но вот, случилось, что «по поводу» русских книг самого последнего времени у меня как будто нет никаких общих мыслей. Меня влечет к самой краткой, казенной отчетности. Какие мысли дает благотворительный сборник «Шиповника»? Скорее чувства возбуждает, чем мысли. Терновый венок на обложке... Цель сборника – в самом деле прекрасная цель, и невольно хочется остаться лишь в области этики, судить и хвалить людей, принявших в нем участие, – именно как прекрасных людей, а не как литераторов. Тем более что в книге много вещей старых, даже очень старых, давно оцененных с литературной точки зрения. О слабой, вымученной и некультурной вещи Л. Андреева «Елеазар» я, кажется, упоминал даже на этих самых страницах. «Жизнь человека» еще слабее, но самой слабой, уже не слабой, а прямо позорной, пошло-грубой до скверности, надо

назвать драму этого писателя «К звездам», которую он только что выпустил в своем собственном «Сборнике рассказов». Драма, кажется, написана давно. Во всяком случае прошло достаточно времени, чтобы опомниться и если не уничтожить, то спрятать рукопись в стол. А он ее печатает и выпускает! Как мало друзей у русского литератора! Никто ему вовремя не даст душевного совета! Единственная недурная вещь Андреева в его сборнике, это – рассказ «Губернатор», испорченный только тем, что неизменно портит нашу последнюю беллетристику, – тем, что это – «картинка революционного времени». Да, нечего себя обманывать, нечего скрывать: революция не удалась... в литературе. Я это утверждаю; и как литератор – печалюсь немного, но как революционер – радуюсь: ведь это может означать, что революция наша еще не кончилась, не отлилась в форму и не застыла, она – еще не искусство, она – еще только жизнь. Бесчисленные и упорные попытки ввести ее в литературу – лишь вредят ей, ей самой, и вредят литературе: потому что кто за эту задачу теперь ни берется, – всякий, независимо от своего художественного таланта, дает, непременно, бездарную вещь. И революция, преподнесенная под соусом лжеискусства, невольно раздражает, незаметно надоедает. Повестям, рассказам, поэмам и трагедиям наступает время, когда проходят времена прокламаций. Что-нибудь одно из двух.

А прошли ли эти времена? Посмотрим... Что даст нам ближайший сборник «Знания»? Может быть, ослепительно

прекрасен будет конец повести Горького «Мать». Я сочту это чудом. Начало (в Сборнике 16-ом) – до жалости наивно. Какая уж это литература! Даже не революция, а русская социал-демократическая партия сжевала Горького без остатка. Я еще помню времена Великого Максима, «властителя дум», и бесчисленных «подмаксимков»... Был же в нем писатель. А теперь, посмотрите, после воза всяких «Дачников», «Варваров», которых трудно прочесть и нельзя упомнить, – последний шедевр: добродетельный молодой рабочий просвещается и возвышается, сходясь с еще более добродетельными, честными работниками социал-демократической партии. У добродетельного рабочего добродетельнейшая, хотя еще не «сознательная», мать. Но она уже и в первом сборнике, благодаря сыну, который намерен ее окончательно «распропагандировать», чувствует силу «истины, добра и красоты». Помогают делу, конечно, грубые злодеи – солдаты, являющиеся, как водится, с обыском. Боюсь, что если не чудо, – то и конец этого «художественного» произведения будет соответственный. Невыгодная пропаганда для социал-демократической партии! Ни дело, ни безделье. Людей с наивной душой, но с художественным чутьем, – такая проповедь только оттолкнет.

Что еще прибавить о данных двух (трех, включая Андреевский) сборниках? Да больше, пожалуй, и нечего. Или честное, благородное, антихудожественное революционство известных и неизвестных авторов или полуграмотные пустяки.

Что же хотел сказать Андреев своим «Иудой», – я так и не понял. Современный жид из Вильны, – тщательно современный, – хорошо. Я готов простить Андрееву такое поправление веков: оно для него обычно. Но что же он все-таки хотел сказать? Убедить нас, сделав Иуду благороднее других учеников, что современные евреи из Вильны благороднее древних евреев? Как хотите, иного смысла для рассказа не подберу.

Над всеми этими литературными произведениями, революционными и пустяковыми, над талантливymi авторами и полуграмотными, – стоит общий чад русской некультурности... Впрочем, не над ними одними, не в единственном только углу русской литературы стоит этот предательский, вонючий чад. Посмотрим в другую сторону...

II

Хочу признаться откровенно: еще не так давно я упрекал «Весы» за их излишнее, как мне казалось, тяготение к европеизму, за слишком явно выражаемое почтение к западной литературе в ущерб нашим доморощенным художникам. Я и теперь не согласен с «Весами» в их «тактике»; но я понимаю сущность и правду влечения к истинной культуре, и если в чем упрекать «Весы» – то, скорее, в том, – что они этого влечения в строгости не выдерживают, недостаточно верны ему и часто, ослепленные... «патриотизмом» ли, или чем другим, – готовы поощрить самую отменную русскую некультурность. Хулигана в горьковском отрепье они отвергнут, – но разве так трудно распознать хулигана в александрийской тоге новомодного «экса» – в смокинге? У «Весов» должен быть острый взор и тонкий нюх, если уж они действительно поняли всю пленительность и всю необходимость для нас – культуры.

Русские общественные события, вместе с фактом относительного освобождения печати, очень ярко отразились на нашей «изящной» литературе. Она разделилась на менее «изящную», где пошло, главным образом, изображение революции, и на более «изящную»: эта последняя воспользовалась снятием цензуры для того, для чего покойнички в рассказе Достоевского воспользовались «последним милосер-

дием»: для заголения и обнажения. Она сделалась сплошь «эротической» (как называет ее Е. Семенов, впрочем мало знающий и вообще комический русский рецензент Mercure de France). Вернее же, не эротической, а просто порнографической. При нашей общей некультурности, какой-то повальной, атмосферной – не могла в наше эротическое заголение и обнажение не влиться явная струя хулиганская. Революционное антихудожество как-никак иногда спасается «благородством чувств», старыми, добрыми устоями морали, и хулиганству вольготнее там, где «все позволено», где цель в том, чтобы повыше заголиться.

Конечно, было бы грубой несправедливостью втиснуть всех и вся непременно в эти два русла. Я не говорю о бесчисленных исключениях, об оттенках, как не говорю о случаях, тоже нередких, где слиты и революционство, и порнография: я лишь указываю, в общем, на эти два главные течения новейшей литературы. И отмечаю расцвет хулиганства (т. е. самой яркой антикультурности), наплыв хулиганов именно в той стороне, где преимущество отдается «эротическому» заголению.

Есть между ними и такие, которые едва умеют пролепетать «бобок, бобок»; есть невинные, закрученные в столб поднявшейся пыли; есть «талантливые»... Мне, впрочем, совестно употреблять это слово. «Талантливость» у нас теперь решительно общедоступна. Надо быть выдающейся бездарностью, надо иметь особый дар бездарности, чтобы при неко-

тором желаний и сметке не заслужить названия «талантливому» поэта или беллетриста. И – заметьте! – совершенно справедливо. Удовлетворение в меру требования. Я не знаю, оказались ли бы «талантливыми» многие из теперешних талантливых писателей перед судом тех, кто в слово «талант» влагает более широкое содержание. Но пока – дело стоит по-прежнему: несомненна куча «талантливых» писателей, из которых очень много талантливых хулиганов.

Сознаюсь, мне как-то неприятно, неловко переходить к конкретным примерам, к именам, которые носят живые люди. Ведь это – пусть невольное, вынужденное, обусловленное общей нашей некультурностью, но все-таки нехорошее дело: подменять искусство – физиологией и патологией (последней отдается усиленное преимущество), художественное творчество – заголением.

Заголение может быть и талантливым, и бездарным, с аксессуарами и без оных. Можно пуститься в пляс без склонности к неприличным жестам, покорствуя другим. И это лучше, это невинно. Чем бездарнее такое «произведение искусства», тем автор его невиннее. Очень невинна, например, г-жа Зиновьева-Аннибал со своими «33-мя уродами», лесбийским романом. Даже моралист не почувствует там никаких «гадостей», не успеет, – так ему станет жалко г-жу Зиновьеву-Аннибал. И зачем ей было все это писать! Ей-Богу, она неглупая, прекрасная, простая женщина, и даже писать она умеет недурно, во всяком случае «талантливее», нежели на-

писаны «Уроды», которые вовсе не написаны. В ее рассказах из датской жизни («Трагический Зверинец») есть места милые, искренние, женски-теплые, – беспретенционные кусочки подлинной жизни. Особенно в начале книги, где реже попадаются чужие, вымученные слова и «порочные» взвизги. И далась же нашему варварству эта «порочность». Точно мода на черные зубы; у кого и белые – стыдливо чернят. Стихи тоже напрасно пишет г-жа Зиновьева-Аннибал: она и тут чернит зубы, танцует без экстаза, вредит себе. Впрочем, повторяю: она невинна по существу; она только повлеклась за другими, туда, куда не один конь поскакал с копытом; г-жа Аннибал не заметила, что копыта у этих коней – раздвоенные...

Вот другой роман, другого автора, стоящий в соответствии с «33-мя уродами». «Уроды» – роман женоложный, этот – мужеложный. Он, однако, иного аспекта: с аксессуарами, со вчерашним «эстетизмом», с «талантливостью». Именно благодаря своим аксессуарам, претензиям на культурность – он обнажает во всю ширину язву нашей некультурности, напоминает о ней резче, нежели роман Аннибал. Последний никого не обманет даже в Саратове – а романчик с аксессуарами в Саратове, пожалуй, сойдет за «культуру». Автор, несомненно, «подчитал», чтобы засыпать нашу серую широкую публику разными «художественными именами», бывшими en vogue¹ в 80–90 годах. Имена уже под-

¹ знаменитыми (фр.).

кисли, но сюжет «нов» (раньше не позволяли.), в Саратове сойдет. Язык неумел, скверно-банален и неловок, – но это лишь для чуть внимательного уха. Я мог бы выписать с десятков перлов, не будь так скучно заглядывать лишний раз в эту скучную книгу. Но что – язык? Зачем язык? В Саратове сойдет за отменнейший, а не в Саратове... пора бы прийти к пониманию, что высший стиль – это плевать на стиль. Беспардонность внутренняя должна и облекаться в свою, беспардонную же, форму.

Автор и стихи пишет; и так пишет, словно все время говорит нам: «Я могу лучше, да вот не хочу!» Один школьник, борец за свободу, когда его вызывали, всегда твердо отвечал учителю: «Я знаю урок, да не скажу!» Не упомяну, чем это кончилось. Стихи попадаются полные смелости: «Уста, целованные многими, многими устами, стами...» Или «Евдокия, Евдокия. Какие...» и так идет на *двух* страницах, сплошь (честное слово, взгляните в «Кошницу» Ор). Все время:

Евдокия, Евдокия,
Какия.

Выдержана эта антистильность почти везде, кроме тех редких случаев, когда к автору сами приходят две-три хороших строки. Это ведь со всеми бывает.

Мне как-то уже приходилось говорить, что для культу-

ры необходима долгая работа, годы терпеливого, медленно-го труда. Еще вопрос, винить ли Россию в том, что нет у нее культурности, что возможны в русской литературе такие течения, такие «художники», как те, о которых у нас шла речь... Может быть, у России для работы еще не было времени... Хочу верить; но вера в грядущее не мешает, однако, видеть настоящее во всей его неприглядности, сознавать то, что есть. На грязное тело надевается чужой и уже выцветавший плащ. С чем мы пойдем надоедать опрятной, работающей, может быть, умеренной, может быть, буржуазной, но спокойной и красиво причесанной Европе? Как мы смеем негодовать на ее добродушно-убийственное равнодушие к нам, к нашим делам, к нашей литературе? Чем нам перед пей хвастаться, что предлагать? Чем хотим мы заставить ее обратить на нас внимание, дать нам место рядом с ней?

Вот непродуманные гимназические «философии» новейших мистиков-факельщиков; вот тюфяки, на которых разваливаются, прижимая свои груди, глупые лесбиянки г-жи Аннибал, вот банщики-проституты, которыми «свято» пользуется загадочно-пленительный герой-мужеложец другого романа, могущего претендовать на просвещение Саратова, но вряд ли Европы; вот, с другой стороны, добродетельный рабочий социал-демократ с добродетельной социальной матерью или «серый Некто», экспроприированный у Метерлинка; вот все произведения нашей «культурной среды», роскошные плоды нашей «работы духа» за последнее время.

Менее всего хочу я умалить значение отдельных русских писателей и творцов. Но гении были во всех странах, во всех литературах. Вопросом, где их было больше и где они больше, я сейчас не занимаюсь. Я говорю не о литераторах, а о литературе, об общем уровне духа и мысли, об общем движении вперед, о росте, – о культуре.

С этой точки зрения – обе наши «литературы» одинаковы, и революционная, и эротическая. Но последняя горше, во-первых, потому, что в ней заметнее претензии на искусство, а во-вторых – она старательнее поощряет, воспитывает беспардонное хулиганство, разрушает человека. Я ничего не имею против существования мужеложного романа и его автора. Но я имею много против его тенденции, его несомненной, (хоть и бессознательной) проповеди патологического заголения, полной самодовольства, и мне больно за всех тех, кто эту тенденцию может принять как художественную проповедь культуры. «Все во мне провалилось, – говорит какой-то старей горьковский босяк, – точно я не человек, а овраг бездонный». Какие уж искусства оврагу бездонному? Все провалилось, только и осталось, что

Евдокия, Евдокия,
Какия.

И опять:

Какия,

Евдокия, Евдокия.

Хулиганы эти, с провалом, вместо души, конечно, прейдут, – их нечего бояться. Я хочу верить в будущую культурную Россию. Ведь есть же зерна этой культуры!.. Должны же они быть! Нам важно только не обманываться, не принимать кусты чертополоха за всходящую пшеницу, а упорно поливать хотя бы еще голую, молчаливую землю и... ждать.

Как-то давно, не помню в каком журнале, недовольные критики полемизировали с «Весами» и упрекали их в «академичности». Приходилось мне слышать тот же упрек и позднее. Ах, если б он был справедлив! Ах, если бы «Весы» действительно были академичны! И побольше бы нам... Академий.

Послесловие редакции

Мы давно оценили и полюбили острое, – может быть, слишком колючее, – перо Антона Крайнего. Его статьи порою казались нам желчными, но всегда были интересны и умны. Начав свою деятельность в «Новом Пути», он сразу выказал себя непримиримым и беспощадным, направляя свои стрелы не только во враждебные станы, но часто и в сотоварищей по журналу. Несмотря на то, когда в прошлом году Антон Крайний выразил согласие участвовать в «Весах», мы, не колеблясь, предоставили ему полную свободу слова. Мы были уверены, что всегда будем с ним согласны во всем главном, основном, хотя, конечно, и можем разойтись в оценке отдельных явлений.

«Братская могила» оправдывает наше мнение. Мы всецело присоединяемся к «вере» Антона Крайнего «в будущую культурную Россию» и готовы повторять вместе с ним: «Ведь есть же зерна этой культуры!.. Должны же они быть!» Но мы думаем, что Антон Крайний очень ошибается, когда, бичуя врагов этой будущей культуры, относит к их числу и автора другого романа, «стоящего в соответствии с 33-мя уродами». Речь идет, конечно, о М. Кузмине и его романе «Крылья», впервые напечатанном в «Весах». Наше глубокое убеждение, – что М. Кузмин идет в рядах передовых борцов за ту самую культуру, за которую ругает и Антон Крайний. Именно,

как такому культурному деятелю (а не только как талантливому поэту), «Весы» до сих пор широко открывали М. Кузмиину свои страницы и намерены столь же широко открывать их впредь.

Что же касается того «эротизма», в котором повинно будто бы целое течение русской литературы, мы должны напомнить Антону Крайнему давние слова Ст. Пшибышевского: «Так же, как я ничего не могу поделать против того, что в продолжение всех Средних Веков откровения души бывали исключительно в области религиозной жизни, так же мало могу я изменить что-либо в том факте, что в наше время душа проявляется только в отношениях полов друг другу. Пусть делают упреки за это душе, но не мне» (Сочинения, т. II, стр. 6–7). Но, конечно, говоря так, мы нисколько не хотим оправдывать легкомысленного отношения к вопросам глубоким и опасным, – того, что Пшибышевский называет немного далее «пошлой, молодеватой, комически-пикантной эротикой» и «слащаво-противной юбочной поэзией».

«Весы».